

Едва завидев Бай Цыму и Цзян Сяои, Цзян Сяоэр и Цзян Сяосань от радости подпрыгнули на месте.

— Старший брат, гэфу, вы вернулись!

Они бросились к ним и обняли за ноги.

Цзян Сяои достал из-за спины паровые булочки:

— Голодны?

— Голодны! — в один голос ответили малыши. — Ой, а что это за звук?

Звук доносился из-за спины Цзян Сяои.

— Это утята, — улыбнулся тот.

— Ого! — воскликнул Цзян Сяоэр. — Брат, ты купил утят? А! И свинки! Ай да ну!

— Да! Нравятся? — спросил Цзян Сяои.

Конечно, нравятся.

Цзян Сяоэр и Цзян Сяосань хоть и были малы, но кое-что уже понимали. Разведение свиней приносит деньги, а куры и утки несут яйца, которые можно копить и продавать по два вэня за штуку.

У старшего дяди была свиноматка, и Цзян Сяоэр, каждый раз бывая у них в гостях, непременно заглядывал к ней — уж очень она ему нравилась.

И вот теперь, увидев и булочки, и поросят, и утят, двое малышей запрыгали вокруг Бай Цыму и Цзян Сяои, будто в них проснулась неиссякаемая энергия.

Несколько женщин и фуланов, работавших на соседних огородах, с удивлением наблюдали за этой сценой.

Еще недавно все судачили, что семья Цзян, приняв такого зятя, обречена на погибель. Но вот на днях они жарили рыбу, потом ели мясо, а сегодня и вовсе принесли поросят и булочки.

Разве это похоже на скорый конец?

Даже госпожа Цянь, услышав визг поросят, вышла поглядеть и тоже пришла в недоумение.

Если раньше она думала, что дядя Цзян, опасаясь, как бы Цзян Сяои не потратил все деньги на Бай Цзыму, решил устроить пир на весь мир, то теперь они купили поросят. Откуда у семьи Цзян на это деньги?

Наверное, Бай Цзыму, зная людей, занял у кого-то.

Большинство в деревне думало именно так.

Дядя Цянь, а также первая и вторая тётушки, узнав новость, пришли посмотреть.

Семья Цзян раньше держала свиней, так что свиарник у них был, как и курятник, хоть и несколько обветшалый.

На заднем дворе царило оживление. Женщины радовались за Цзян Сяои и, увидев, что поросёнок довольно упитанный, наперебой его хвалили, но всё же спросили:

— А почему хряка взяли?

Мясо хряка невкусное, с неприятным запахом, поэтому, когда поросята подрастают, обычно вызывают специального человека, который их кастрирует. Но за вызов он брал десять вэней, и ещё по два вэня за каждого поросёнка. Поэтому многие, покупая свиней, выбирали свинок.

— Неужели продавец обманул? — нахмурилась вторая тётушка.

— Нет, — ответил Цзян Сяои. — Это фуцзюнь не разрешил мне купить свиноматку.

Купи они свиноматку, Цзян Сяои непременно последовал бы примеру старшей ветви семьи и занялся бы разведением поросят. Тогда свиньям в их доме не было бы конца. Убирать свиной навоз год — это ещё терпимо, но заниматься этим несколько лет подряд — сущая пытка.

Бай Цзыму наотрез отказался покупать свиноматку.

Но Цзян Сяои и так был доволен, что удалось купить хотя бы маленького хряка.

Дядя Цянь, осмотрев поросёнка, обменялся парой слов и поспешил домой по делам. В итоге осталась только вторая тётушка.

— Сяои, — обратилась она к нему, когда тот закончил свои дела. — Твой второй двоюродный брат приходил к тебе?

Цзян Сяои кивнул.

— Он тебе что-нибудь сказал?

Цзян Сяои оказался в затруднительном положении.

Вторая тётушка заметила это:

— Твой второй двоюродный брат уже много лет всё держит в себе, ничего мне не рассказывает. Только с тобой и делится. Я тут хотела через сваху У подыскать ему невесту, а он ни в какую, ещё и обиделся. Не понимаю я, какой мужчина не хочет жениться? Спрашиваю, почему не согласен, может, девушка какая нравится или ещё что, а он молчит.

Вторая тётушка вздохнула.

— Вчера сваха У приходила, рассказала про одну девушку из деревни Люцзян. Семья у неё, вроде, неплохая.

Цзян Сяои с недоумением посмотрел на неё.

— Семья та свою дочь любит, — продолжала тётушка, — не ищут ей богатого жениха, лишь бы человек был хороший.

Семья старшего дяди была бедной, но все они были людьми покладистыми. Первая и вторая тётушки не были ни сплетницами, ни тиранками. Вся деревня это знала. Та семья, видимо, это и оценила. К тому же, Чжан Дая, выйдя замуж, хоть и жила в бедности, но родные мужа к ней хорошо относились. Семья Чжан знала об этом, да и госпожа Чжан сама не раз упоминала об этом в разговорах.

Та семья жила по соседству с семьёй Лю и была с ними не в ладах. Дочь они свою тоже растили в неге, надеясь выдать замуж за богача. Но после того, как Цзюаньцзы вышла замуж, они то и дело слышали, как госпожа Лю её попрекает.

Семья Лю была состоятельной, и двоюродных братьев у них было много. Если бы семья Сунь узнала, они бы, вероятно, не смогли заступиться за свою дочь.

Поэтому та семья оставила мысли о высоком родстве.

Когда пришла сваха У и сказала, что сватает от семьи Цзян, они сразу согласились.

Найти невесту, которая не побрезгует их бедностью, было большой удачей. Вторая тётушка обрадовалась и хотела поскорее договориться о свадьбе, опасаясь, что всё может измениться. Но Цзян Дашу остановил её, сказав, что не женится. Это её страшно разозлило.

Она спрашивала его, почему он не хочет жениться, не нравятся ли ему девушки, или, может, он предпочитает гэ'эров? Что у него на уме?

Но сколько бы вторая тётушка ни спрашивала, Цзян Дашу молчал, словно набрал в рот воды.

Поэтому ей пришлось прийти к Цзян Сяои.

Тот расспросил её подробнее.

— Тётушка, а та девушка такая же, как Цзюаньцзы?

— Сваха У говорит, что похожа. Никакой работы не делала, беленькая, очень красивая, как городская, — улыбаясь, ответила вторая тётушка. — Несколько лет назад на ярмарке я её видела.

Работает человек или нет, можно было понять по рукам.

У тех, кто постоянно трудится, под ногтями всегда грязь. И дело не в том, что деревенские жители нечистоплотны и не моют руки, просто грязь въедается, а сок растений отмыть очень трудно. К тому же, от работы руки грубеют.

У той девушки пальцы были тонкими и белыми, как и лицо. Сразу было видно, что она никогда не работала.

Цзян Сяои замолчал.

— Ты думаешь, это нехорошо? — спросила вторая тётушка.

Цзян Сяои молчал.

Вторая тётушка, видя его выражение лица, похлопала его по руке и ласково сказала:

— Говори, что думаешь. Неужели ты меня за чужую считаешь?

Цзян Сяои немного поколебался:

— Тётушка, если она такая же, как Цзюаньцзы, то кто же будет за ней ухаживать, когда вы её в дом приведёте?

Вторая тётушка растерялась.

Ведь жену берут не только для работы.

Будь это богатая семья, там бы были служанки.

Но в деревне, если жена не работает в поле, то хотя бы домашние дела — готовку, стирку — должна делать.

Иначе, если она ничего не делает, неужели муж или свёкры должны её обслуживать?

Семья старшего дяди была бедной, работы было много, у каждого свои обязанности, даже дети не сидели без дела. Каждый день с самого утра приходилось трудиться ради куска хлеба. Если привести в дом такую, которая ничего не умеет, это всё равно что привести барыню.

В деревне, рожая дочь или гэ'эра, даже если очень их любили, всё равно учили домашним делам. Это было необходимо для жизни, иначе свёкры будут недовольны.

Но некоторые семьи, непонятно о чём думая, видели, как в городе дочери и гэ'эры из богатых семей ничего не делают, целыми днями красуются и находят хороших мужей, и тоже начинали так же воспитывать своих детей.

Но не всем дано взлететь на ветку и стать фениксом.

Дочери и гэ'эры из богатых семей, хоть и не умели работать по дому, зато умели управлять хозяйством, вести счета, а некоторые — и на музыкальных инструментах играть.

Те семьи видели лишь одну сторону, а другую — нет, и в итоге их дочери вырастали, не отличая зёрен от плевел.

В семейной жизни важны дрова, рис, масло и соль. Что толку от одной лишь красоты?

Деревенским жителям приходится трудиться, они вечно заняты. Привести в дом такую жену — значит обречь себя на мучения.

Нельзя требовать, чтобы человек умел всё, но он должен быть хотя бы трудолюбивым и уметь

делать хоть что-то.

Вторая тётушка помрачнела:

— Неудивительно, что когда я говорила с твоей первой тётушкой, она промолчала.

Ведь что бы она ни сказала, всё было бы не так. Сейчас они ещё не разделились, все заработанные деньги отдавали двоюродной бабушке. Если бы она сказала «нет», вторая ветвь семьи могла бы подумать, что они жалеют денег на свадьбу для их сына.

А если бы сказала «да», то навредила бы Цзян Дашу.

— Это я поторопилась.

Вторая тётушка горько усмехнулась:

— Раньше я просила сваху У посватать несколько семей, но все они отказались из-за нашей бедности, не хотели отдавать своих дочерей и гэ'эров. А тут нашлась одна, которая не побрезговала, вот я и заторопилась. Боялась, что передумают, хотела поскорее всё устроить. И не подумала хорошенько. Решила, что раз девушка красивая, характер хороший, родители и братья — люди покладистые, то всё будет хорошо.

Когда-то она советовала Цзян Сяои быть осторожным в таких делах, не гнаться за красотой, ведь красота со временем увянет.

А теперь сама же и поторопилась.

Кишки было трудно мыть, поэтому Бай Цзыму, вернувшись, взял с собой двух малышей и пошёл к реке.

Когда первая тётушка уходила, Цзян Сяои сказал ей, чтобы они вечером приходили ужинать, ничего не готовили.

Вернувшись домой, первая тётушка всё рассказала, и двоюродная бабушка поняла — дело решено.

Но в семье было много народу, и двоюродная бабушка сказала:

— Разве свёкор Даню не приносил кусок вяленого мяса? Отнеси ему. Это радостное событие, надо как следует отпраздновать.

Первая тётушка улыбнулась:

— Да что вы! Я когда уходила, Сяои сказал, что они сегодня купили много кишок и рыбы, всего хватит, чтобы мы вечером просто пришли поесть.

Он сказал это, чтобы они ничего не несли.

В прошлый раз кишки были такими вкусными, что дети до сих пор вспоминали. Услышав это, они тут же радостно закричали.

— Мама, я накопил травы для свиней, целую корзину! Можно я пойду к третьему брату?

— Тётушка, я и бельё постирала. Я тоже хочу к третьему брату.

— Тётушка, я тоже много диких овощей набрала. Хочу отнести третьему брату.

Двоюродная бабушка улыбнулась. В прошлый раз, когда эти детишки сходили ко второй ветви семьи, они всё время твердили, какой у третьего брата гэфу хороший и красивый. На днях они услышали, что Бай Цзыму с Цзян Сяоэром и Цзян Сяосанем жарил рыбу у реки, и тоже хотели пойти, но она их непустила.

Дело у второй ветви ещё не было решено. Если дети пойдут, она боялась, что они наговорят лишнего и натворят бед. А ещё боялась, что Бай Цзыму подумает, будто их старшая ветвь семьи любит поживиться за чужой счёт, и, как кошки, бегут на запах еды.

Но раз уж дело решено, то пусть дети с ним побольше общаются, это хорошо, ведь скоро они станут одной семьёй.

— Вы к третьему брату или к его гэфу хотите? — улыбаясь, махнула рукой двоюродная бабушка. — Идите. Сегодня ужинаете у третьего дяди. Помогите там, а не только играйте.

— Хорошо.

Дети гурьбой побежали ко второй ветви.

Придя к дому Цзян, они узнали от Цзян Сяои, что Бай Цзыму ушёл к реке, и тут же побежали туда.

Ещё издали Бай Цзыму услышал за спиной шум, будто к нему приближалась стая уток.

— Сяоэр, Сяосань...

— А! Это третий брат, четвёртый брат и сестра Яньнян, — Цзян Сяосань, который сидел на корточках у реки и мыл кишки, услышав голоса, тут же вскочил. Его одежда была мокрой.

Юй-гэ'эр и остальные подбежали и, подняв головы к Бай Цзыму, почтительно сказали:

— Здравствуй, третий гэфу.

Это были четверо детей из старшей ветви.

Чжу-гэ'эр был старше всех, ему было тринадцать, но это по китайскому счёту, на самом деле он был младше. Юй-гэ'эру было восемь, а Яньнян и Цзян Даши — по девять.

Семья была бедной, и все четверо детей были худыми, как тростинки, в поношенной одежде.

Бай Цзыму всё-таки пожил в обществе и считал себя теперь старшим. В прошлый раз, когда он был слаб, он даже не смог встать, чтобы поздороваться с этими детьми. Сейчас он не мог допустить такой невежливости. Он вымыл руки и достал четыре леденца на палочке:

— Держите, это вам в подарок при встрече.

— Что это? — дети никогда такого не видели. Они вертели леденцы в руках, не понимая, что это.

Цзян Сяоэр уже несколько раз ел леденцы и тут же помог им развернуть.

Леденцы были плоскими, радужными, очень яркими. Когда обёртка была снята, их глаза расширились от удивления.

Какие красивые!

— Это конфета? — дрожащим голосом спросил Юй-гэ'эр.

Цзян Сяоэр кивнул:

— Да! Очень вкусно, брат, ешь.

Детям очень нравились леденцы. Цзян Сяосань, каждый раз когда ел, от восторга мотал головой. Даже Цзян Сяои их любил. Если он съедал леденец, то мог рубить дрова с удвоенной силой.

В корзине было ещё много невымытых кишок. Дети, с леденцами во рту, были вне себя от счастья. Поблагодарив, они не ушли, а принялись помогать Бай Цзыму.

Мясник обычно лишь промывал кишки водой, выдавливая содержимое, и выкладывал на прилавок. Они не были такими чистыми, как в современных супермаркетах или на рынках, и мыть их было очень хлопотно.

Бай Цзыму без зазрения совести использовал детский труд:

— Мойте чище!

— Гэфу, так хорошо? — спросил Цзян Даши.

Бай Цзыму ответил:

— Понюхай.

— Ух! Как воняет.

— Ну вот. Ты даже кишки не вывернул, какашки не вымыл. Быстро мой, не ленись. Кто плохо вымоет, тому на шею повешу.

Дети захихикали.

Сначала, не зная Бай Цзыму, они немного стеснялись. Но помыв кишки и поговорив с ним, они увидели, что он человек простой и добродушный, совсем не такой холодный, как кажется на первый взгляд, и тут же защебетали: «гэфу», «гэфу».

Кроме Цзян Даши, остальные трое были гэфуэрами и девушкой, и работали они очень аккуратно. Они мыли кишки снова и снова.

Яньнян понюхала и сморщила носик:

— Гэфу, всё равно пахнет.

Просто водой этот запах, конечно, не отмыть.

Обычно для этого использовали муку и соль, чтобы оттереть слизь и запах.

Но сейчас использовать муку и соль для мытья кишок было бы настоящей роскошью.

Но у горца всегда найдётся свой способ.

Бай Цзыму сложил вымытые кишки в таз и попросил Цзян Даши сбежать домой за древесной золой.

Это средство лучше всего очищало кишки.

К тому времени, как они закончили, было уже четыре часа дня.

Кишок и печени купили много, хватит на два больших блюда. Ещё будет рыба с квашеной капустой, в которую можно добавить тофу, а также немного сычуаньского перца и сушёного чили — аромат будет такой, что разнесётся на десять ли.

Купленные два ляна жира он нарезал и вытопил — для жарки овощей. Хотя у них и было растительное масло, но на свином жире овощи получались вкуснее.

На кухне толпился народ. Шестеро детей, как только Бай Цзыму начал готовить, вбежали с улицы и столпились у плиты, не в силах отойти от аппетитного запаха. Шесть пар глаз, не отрываясь, смотрели на сковороду. Их взгляды были голодными, как у волков, и в то же время похотливыми, как у свиней, увидевших несравненную красавицу. Слюнки текли, а глаза блестели.

Бай Цзыму, опасаясь, что они прожгут взглядом его чугунную сковороду, дал каждому по шкварке и выгнал их на улицу.

Дети не обиделись. Съев вкусные шкварки, они принялись играть во дворе.

Цзян Сяоэр и Цзян Сяосань были щедрыми.

Их двоюродные братья обычно были заняты. Раньше, когда они были помладше, в свободное время они водили их искать дикую землянику и ежевику. Но последние два года, повзрослев, двоюродные братья и сестра стали много работать и редко могли с ними играть. Сегодня, когда они наконец-то пришли, двое малышей тут же выбежали в комнату и вынесли игрушечные машинки, которые Бай Цзыму подарил им утром.

Когда Бай Цзыму только спустился с гор, он был как дикарь, всему удивлялся. Детские игрушечные машинки, машинки на радиоуправлении, самокаты — какое-то время он был одержим ими и закупил целую комнату игрушек. Потом стало тесно, и он выбросил дешёвые, а дорогие оставил в пространственной сумке.

Сегодня утром, чтобы побыть наедине, он достал две машинки, чтобы занять малышей — полицейскую и пожарную, почти ростом с Цзян Сяосаня, на радиоуправлении, с мигающими разноцветными огоньками и музыкой.

Когда Бай Цзыму учил их играть, от звука музыки даже Цзян Сяои вздрогнул, а Цзян Сяоэр и Цзян Сяосань тут же бросились к нему в объятия. Потом Бай Цзыму провёл полицейскую машинку по двору, и глаза Цзян Сяоэра и Цзян Сяосаня чуть не вылезли из орбит.

У двух малышей, кроме нескольких камней, никогда не было игрушек. Их жизнь была скучной. Игрушечные машинки, от которых не могут отказаться даже современные дети, избалованные разнообразием игрушек, что уж говорить о Цзян Сяоэре и Цзян Сяосане, двух деревенских простачках.

Они были в восторге, не выпускали машинки из рук. После ухода Бай Цзыму и Цзян Сяои они всё утро играли во дворе.

И вот теперь, вытащив их и нажав на пульт, они зажгли огни на полицейской машинке, и под музыку та резво покатила вперёд.

Дети из старшей ветви замерли, их глаза наполнились изумлением, они даже забыли дышать.

Цзян Сяоэр сказал:

— Третий брат, четвёртый брат, хотите поиграть? Игрушечные машинки очень интересные.

— Хотим...

Во дворе стало шумно.

Цзян Сяои, понаблюдав за ними немного, пошёл на кухню помогать.

Обеденный стол в доме был маленьким, да и посуды не хватало. Цзян Сяои хотел сходить к старшей ветви одолжить, но первая тётюшка уже догадалась и попросила Цзян Даню и Чжан Дая принести стол и посуду, так что бежать не пришлось.

Народу было много, поэтому накрыли два стола во дворе.

Близился вечер, все блюда были готовы. Цзян Сяои, прикинув, что отец скоро вернётся, попросил Цзян Даши сбегать домой и позвать всех.

Двоюродная бабушка и остальные ещё не дошли до дома Цянь, как услышали детский смех. Смех был громким, полным радости и восторга. Им стало любопытно, во что они играют. И тут они увидели, как Цзян Сяосань сидит на чём-то красном и непонятном. Эта штука мигала огоньками и с огромной скоростью везла его из двора.

Цзян Сяосань кричал:

— Юй-гэ, поворачивай, скорее поворачивай!

На пульте, кроме кнопок «вперёд», «назад», «влево» и «вправо», были ещё «ускорение» и «тормоз».

Юй-гэ'эр в современном мире, вероятно, был бы тем ещё лихачом. Сейчас, разнервничавшись, он хотел нажать на тормоз, но в панике случайно нажал на ускорение.

Старшая ветвь семьи увидела, как Цзян Сяосань с криком «ай-яй-яй!» вылетел на дорогу.

За двором семьи Цзян проходила деревенская дорога шириной в два метра, а за ней — канава, а дальше — широкое рисовое поле. Недавно там убрали рис, и земля пустовала. Многие посадили на ней овощи, разбив на участки.

Зимой, в отличие от трёх других времён года, в горах было мало съедобного. Если в семье было мало огорода и много едоков, приходилось сажать больше овощей.

Дядя тут же подбежал. Не успел он добежать, как Цзян Сяосань, обняв пожарную машинку, сам выбрался наверх.

Юй-гэ'эр и остальные дети выбежали и, увидев, что он не упал в канаву, с облегчением вздохнули:

— Сяосань, ты не ушибся?

— Нет! Так весело, так захватывающе, — Цзян Сяосань хоть и упал, но не плакал, а весело смеялся. — Юй-гэ, давай ещё!

— Давай...

<http://bllate.org/book/13701/1593162>